

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Бугрова Екатерина Дмитриевна

**«ТРУДНОЕ НАСЛЕДИЕ» КАК РЕСУРС
КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
культурологии

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор культурологии, профессор, заслуженный деятель искусств РФ
Кириллова Наталья Борисовна

Официальные оппоненты: **Мурзина Ирина Яковлевна,**
доктор культурологии, профессор,
ООО «Институт образовательных стратегий» (г. Екатеринбург), директор

Шлыкова Ольга Владимировна,
доктор культурологии, профессор, ФГБОУ
ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва), профессор Института государственной службы и управления

Шуб Мария Львовна,
доктор культурологии, доцент, ФГБОУ ВО
«Челябинский государственный институт культуры», профессор кафедры философии и культурологии

Защита состоится «18» марта 2025 г. в 11:00 на заседании диссертационного совета УрФУ 5.10.10.24 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов (к. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=6895>

Автореферат разослан « » февраля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор культурологии, доцент

Панкина Марина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в социуме возрастает значимость культурно-познавательного туризма, ресурсом которого является культурно-историческое наследие, включая и концепт «трудное наследие».

Представляя собой одну из важнейших форм взаимодействия человека с окружающим миром, культурно-познавательный туризм способствует расширению кругозора и обогащению знаний об истории, культуре, традициях и обычаях различных стран и регионов. Путешественники получают возможность лично увидеть памятники архитектуры, музеи, театры, художественные галереи и другие объекты культурно-исторического наследия, что позволяет глубже понять особенности той или иной дестинации.

Культурно-познавательный туризм играет важную роль в межкультурной коммуникации. Знакомство с образом жизни, ценностями и традициями других сообществ помогает разрушать стереотипы и предубеждения, что, в свою очередь, способствует снижению уровня конфликтности в обществе. Тем самым культурно-познавательный туризм выполняет социальную функцию – сохранения и популяризации культурно-исторического наследия. Благодаря туристической деятельности многие исторические памятники и культурные объекты получают необходимое финансирование для реставрации и сохранения. Более того, туризм способствует распространению информации о малоизвестных достопримечательностях, что повышает их информационную доступность и привлекает внимание общественности к необходимости их защиты и поддержки.

Появление в XXI веке разнообразных направлений культурно-познавательного туризма свидетельствует о повышенном интересе общества к проблемам культурно-исторического наследия, роль которого становится ведущей в формировании локальной идентичности и сохранении коллективной памяти. Вот почему проблемы изучения культурно-познавательного туризма как инструмента сохранения и трансляции культурной памяти и культурно-исторического наследия становятся все более актуальными в культурологическом знании. Особое значение в теории и истории культуры приобретает изучение так называемых мест памяти.

Ценность «мест памяти» связана с тем, что они являются важными символическими пространствами, отражающими коллективную память

общества о значимых событиях прошлого. Такие места играют ключевую роль в формировании национальной идентичности, репрезентации культурной памяти и традиций. Они служат своеобразными «точками», в которых прошлое встречается с настоящим, создавая возможности для осмысления исторического опыта в контексте современных реалий.

Исследование «мест памяти» позволяет глубже понять, каким образом общество конструирует свою историю, какие события и личности считаются значимыми, а какие остаются забытыми или намеренно игнорируются. Через изучение этих мест можно проследить динамику изменения общественного сознания, выявить механизмы формирования исторических мифов и стереотипов, а также проанализировать влияние идеологических установок на восприятие прошлого.

Таким образом, изучение «мест памяти» является актуальным направлением научного исследования, позволяя не только углубиться в историю и культуру конкретного региона или народа, но и внести вклад в развитие современного общества, способствуя формированию уважительного отношения к прошлому и укреплению национального самосознания.

Исследование «мест памяти» имеет и важное практическое значение, содействуя не только развитию туризма, но и сохранению культурного наследия, повышению интереса к истории своей страны у подрастающего поколения.

Изучение проблем культурно-исторического наследия актуализирует концепт «трудное наследие», относительно недавно появившийся в научном дискурсе культурологии, в который входит и анализ «мест памяти», связанных с трагическими и неоднозначными событиями. Специфика функциональных особенностей разных направлений культурно-познавательного туризма, активизирующая интерес к объектам «трудного наследия», также требует более полного научного осмысления, поскольку традиционно туризм базировался на позитивных аспектах культурно-исторического наследия – в первую очередь, на достопримечательностях, обладающих высокой художественной ценностью. Объекты «трудного наследия», вызывая зачастую сложные эмоции у посетителей, в то же время представляют собой важные элементы коллективной памяти и обладают значительным нравственным потенциалом, доказывая необходимость их исследования.

Репрезентация объектов «трудного наследия» в контексте изучения культурно-познавательного туризма требует особого подхода в силу

конфликтогенности подобных «мест памяти» (поколенческий конфликт, идеологические разногласия, риски коммодификации).

Степень разработанности научной проблемы

Изучение концепта «трудное наследие» в контексте культурно-познавательного туризма базируется на междисциплинарном подходе, позволяющем провести комплексный анализ, включающий разные научные направления. В результате чего было выделено несколько групп исследований, дающих возможность наиболее полно осветить тему диссертационной работы.

Первый блок исследований представлен трудами зарубежных и отечественных ученых в области *memory studies*. Это работы Ф. Арьеса, Я. и А. Ассман, Ф. Бартлетта, В. Беньямина, А. Варбурга, Й. Йерушалми, В. Канштайнера, Д. Лоуэнталя, А. Маргалита, П. Нора, Дж. Олика, М. Стёкен, Р. Тердимана, Д. Тригга, М. Фуко, М. Хальбвакса, П. Хаттона, Э. Шилза, О. Н. Астафьевой, Н. А. Бердяева, Е. Г. Трубиной, Н. Г. Федотовой, М. Л. Шуб, Н. У. Ярычева и др. Вопросы культурной памяти и травматических событий в своих исследованиях рассматривали А. Ассман, К. Карут, П. Нора, М. Ротберг, М. Стёкен, Е. Г. Трубина. Концепт ностальгии, в том числе в контексте туристической деятельности, изучали С. Бойм, Ф. Дэвис, Б. Хэмбер, Р. Н. Абрамов и др.

Вторая группа исследований связана с анализом понятий «культурное наследие» и «трудное наследие», представленным в работах следующих авторов: С. Каасик-Крогерус, Дж. Дж. Леннона, Т. Ляхдесмяки, Ш. Макдональд, Л. Мескелл, Т. Рико, Дж. Э. Танбриджа, М. Фоли, И. ван Хёйс, Л. Эллены, Г. Дж. Эшворта, В. Г. Ананьева, М. Б. Гнедовского, Е. Н. Мастеницы, Н. В. Самовер, А. Ю. Сериковой, Л. И. Скрипкиной, Ю. В. Сливковой В. С. Стафа и др.

С вопросами изучения истории культурно-познавательного туризма и формирования основных его направлений связаны имена таких ученых, как: Д. Дж. Бурстин, П. Гаутши, В. Грёбнер, Д. Гринвуд, Г. Ричардс, Д. Сойез, Л. Тернер, Дж. Урри, Я. Ходел, Дж. Эш, А. Ю. Александрова, О. Е. Афанасьев, И. В. Зорин, В. А. Квартальнов, В. И. Кружалин, Е. В. Мошняга, В. В. Новосельская, Е. Л. Писаревский и др. Отдельные направления культурно-познавательного туризма, анализируемые в данной диссертации, рассматриваются в работах: М. Корстанье, Д. Лайта, Дж. Дж. Леннона, П. Линч, Э. Ситона, Ф. Стоуна, С. Чаушевич, М. Фоли, Р. Шарпли, Е. В. Рыбаковой и др. (*dark-туризм*); Р. Йеоманса, А. Рогош, И. И. Бульгиной, Ю. С. Путрика (*патриотический туризм*); К. М. Холла, П. Христу, А. Эрл (*ностальгический туризм*); А. Василевой, О. Ле Галлю,

Т. Эденсора (*руинный туризм*); Д. Сойеза, Т. Эденсора (*индустриальный туризм*).

Особое место в исследовании феномена культурного наследия и культурно-познавательного туризма занимают нормативно-правовые акты: Конвенция ООН «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972); Нарский документ о подлинности (1994); Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001); Будапештская декларация о Всемирном наследии (2002); Рамочная конвенция об этике туризма и Киотская декларация по туризму и культуре ООН (2019); Законы РФ: «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (1996), «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (1996), «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» (2002); Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» (2015); Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. (2019) и др.

Объект исследования – «трудное наследие» в контексте развития культурно-познавательного туризма.

Предмет исследования – стратегии репрезентации объектов «трудного наследия».

Цель работы – комплексное исследование объектов «трудного наследия» как значимого ресурса культурно-познавательного туризма и фактора сохранения культурно-исторической памяти.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть проблему изучения культурной памяти в культурологическом аспекте;
- проанализировать концепт «трудное наследие» в контексте исследования проблем сохранения культурно-исторического наследия;
- выявить параметры концептов «трудное наследие» и «места памяти» в структуре изучения культурно-познавательного туризма;
- представить коммеморацию как ведущую стратегию репрезентации «трудного наследия»;
- выявить специфику музеефикации и консервации «мест памяти» как значимых стратегий репрезентации объектов «трудного наследия» в туризме;
- раскрыть сущность проблемы аутентичности в репрезентации «трудного наследия» в контексте практик культурно-познавательного туризма.

Эмпирической основой исследования стал анализ конкретных кейсов объектов «трудного наследия», развивающихся и как объекты туристского интереса.

Научная новизна исследования состоит в обосновании понятия «трудное наследие» с точки зрения культурологического подхода, под которым понимается наследие, вызывающее противоречия в локальном сообществе в связи с необходимостью его репрезентации и коммодификации, но при этом располагающее к рефлексии в социуме относительно прошлого, настоящего и будущего. На основании идей Д. Лоуэнталя автором определены стратегии репрезентации «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма: *коммеморация* (создание монументов и мемориалов, посвященных конкретным эпохам, событиям и др.), *экспонирование* (демонстрация и посещение музеефицированных объектов, ориентированных на широкую аудиторию), *консервация* (сохранение и поддержание объекта в привычном облике), *перемещение* (перенос объектов/артефактов с целью снижения риска их утраты), *реадаптация* (использование объекта в соответствии с современными потребностями), *инсценировка* (иммерсивные и интерактивные реконструкции с целью воссоздать прошлое), *копирование* (создание реплик, повышающих узнаваемость объектов/артефактов или замещающих их в случае утраты-перемещения) и *эмуляция* (свободное воссоздание атмосферы прошлого, вызванное ностальгией).

Методология и методы диссертационного исследования

Методологической основой исследования является культурологический подход, дающий возможность рассматривать «трудное наследие» в аксиологическом аспекте, учитывая культурно-исторические условия существования явления.

Базовым для диссертационного исследования выбран системно-культурологический подход (М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Э. С. Маркарян), позволяющий представить культурно-познавательный туризм как системное целое со своими закономерностями и процессами развития, структурами (направлениями) и особенностями, определяющими содержание и эволюцию всех компонентов. Культурно-исторический анализ дает возможность рассмотреть проблему развития культурно-познавательного туризма в контексте его динамики: становления, эволюции и современного состояния (труды Г. Ричардса, Дж. Урри, Д. Сойеза).

Метод социально-коммуникативного анализа (труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, К. Э. Разлогова) помогает проанализировать культурно-познавательный туризм с точки зрения рефлексии туристов относительно

своих действий и реакций при посещении тех или иных объектов «трудного наследия», а также социальный контекст, в котором происходит коммуникация туристов и локального сообщества.

Одним из ключевых в диссертации является понятие «место памяти», предложенное П. Нора, – форма мемориализации, связанная с культурно-исторической памятью и предполагающая, что определенные места, объекты или события могут иметь особое значение, связанное с коллективными воспоминаниями.

Методология *memory studies*, опираясь на теорию коллективной памяти, позволяет анализировать прошлое не как установленную данность, а как сущность, подверженную переосмыслению и интерпретациям, и представляет основу для анализа коллективной памяти и ее влияния на социальные группы (работы Я. и А. Ассман, А. Варбурга, М. Стёкен, Дж. Олика, М. Хальбвакса, О. Н. Астафьевой, Е. Г. Трубиной, Н. Г. Федотовой, М. Л. Шуб и др.), исторический анализ, подразумевающий исследование нарративов, традиций и ритуалов, которые влияют на формирование коллективной памяти (Д. Лоуэнталь, П. Нора), культурно-историческую психологию, изучающую механизмы запоминания и забывания, а также влияние эмоций и контекста на формирование воспоминаний и помогает понять, как индивидуальные воспоминания могут влиять на коллективную память (работы Ф. Бартлетта, Р. Тердимана).

В процессе исследования для решения конкретных задач также применялись и другие методы:

- структурно-функциональный, позволяющий продемонстрировать специфику культурно-познавательного туризма и его разновидностей как инструментов трансляции памяти;
- компаративный, дающий возможность осветить различные подходы к решению схожих проблем, с которыми могут сталкиваться туристические локации;
- эмпирический, направленный на непосредственное изучение кейсов объектов «трудного наследия» как объектов туристского интереса.

Теоретическая и практическая значимость работы

Полученные автором результаты вносят свой вклад в культурологическое осмысление понятия «трудное наследие», которое способно вызывать социальные разногласия и сложности в практике отбора и сохранения, но в то же время тесно связано с культурной памятью и культурно-познавательным туризмом. Данное исследование способно стать основой для дальнейших научных работ в сфере культурно-познавательного туризма и «трудного наследия». Предложенный авторский подход к

проблеме репрезентации «трудного наследия» в туризме может найти широкое применение в работах, продолжающих изучение данной темы.

Положения, представленные в исследовании, могут быть использованы при разработке концепций государственной культурной политики, стратегий развития культурно-познавательного туризма в регионах, продвижении объектов «трудного наследия» как значимых туристских ресурсов, необходимых для включения в новые туристические маршруты, способствующие патриотическому воспитанию молодого поколения, формированию национальной идентичности и чувства сопричастности историческим судьбам своего народа, повышению общей культуры, а также развитию преемственности поколений и укреплению межпоколенческих связей. Материалы диссертации могут также послужить основой для подготовки специальных учебных курсов в вузах, обучающих студентов по направлениям, связанным с историей культуры, менеджментом социокультурной сферы, туризмом и креативными индустриями культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культурно-историческое наследие все больше становится материальным выражением памяти, символом, связанным с прошлым, в связи с чем значительное внимание следует уделить сохранению так называемого трудного наследия. Особое значение приобретает разработка методологических подходов к исследованию и интерпретации подобных объектов, что позволит не только сохранить их физическую целостность, но и обеспечить понимание их роли в формировании коллективной памяти и национальной идентичности.

2. Под «трудным наследием» в контексте культурно-познавательного туризма предлагается понимать наследие, вызывающее определенные противоречия в локальном сообществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающее к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего. Данный подход позволяет обратить внимание на объекты и темы, которые ранее практически не рассматривались с научной точки зрения как «трудное наследие», однако при этом обладают свойствами такого типа наследия и вызывают интерес у аудитории.

3. Объекты «трудного наследия» представляют собой значимый туристский ресурс сразу для нескольких направлений культурно-познавательного туризма – в первую очередь, dark-туризма и патриотического туризма. Ностальгический и руинный виды туризма позволяют включить в туристский контекст большее количество

разнообразных объектов, восприятие которых в социуме может рассматриваться неоднозначно.

4. Стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» как достопримечательностей в целом соответствуют общепринятым подходам к сохранению объектов культурно-исторического наследия, однако ведущей стратегией является коммеморация, подчеркивающая специфику объектов «трудного наследия» как буквальных «мест памяти». Другие стратегии также реализуются с учетом особенностей конкретных объектов и направлений культурно-познавательного туризма. Так, широкое распространение в рамках руинного туризма получила стратегия консервации, для объектов ностальгического туризма характерна стратегия эмуляции, а патриотического туризма, помимо коммеморации, – стратегия инсценировки.

5. Существует ряд сложностей в развитии объектов «трудного наследия» как достопримечательностей, привлекающих широкую аудиторию. Препятствовать развитию туризма на таких объектах могут проблемы, носящие как этический характер, так и сугубо практический, связанный с вопросами инфраструктуры и логистики. Среди этических вопросов особое место занимает необходимость избегать излишней эксплуатации исторических событий в процессе развития «мест памяти» как туристических аттракций. Практические сложности включают проблему транспортной доступности многих объектов «трудного наследия», отсутствие необходимой инфраструктуры для приема большого количества туристов ввиду потребности сохранить аутентичность объекта.

6. Основной проблемой при репрезентации объектов «трудного наследия» является коммодификация, способствующая утрате аутентичности и функции сохранения памяти о конкретных событиях. Коммерческое использование таких объектов может привести к упрощению и искажению их исторического содержания, что снижает их образовательную и мемориальную ценность. Важно найти баланс между необходимостью привлечения туристов и сохранением изначального смысла и значимости «мест памяти», связанных с «трудным наследием», чтобы предотвратить процесс «диснейфикации».

Степень достоверности и апробация результатов работы: по теме диссертации опубликовано 15 научных работ, из них 7 работ – в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом Уральского федерального университета, из них 4 – в изданиях, входящих в международные базы цитирования WoS, Scopus.

Результаты исследования освещались на научно-практических конференциях различного уровня:

- *всероссийских*: «Образы индустриального Урала» (Екатеринбург, 2021), II Уральский историко-архивный форум (Екатеринбург, 2022), III Уральский историко-архивный форум (Екатеринбург, 2024), VI Российский культурологический конгресс «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации» (Москва, 2024);

- *международных*: «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» (Екатеринбург, 2019), Global Trends: New Challenges to Economic, Social and Cultural Development (Будапешт, 2019), «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2021), «Постиндустриальное искусство или жизнь?» (пленарный доклад; Иваново, 2022), REC-2023 «Города нового времени: система GLASS» (Екатеринбург, 2023), «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (Екатеринбург, 2023), «Проблемы и перспективы развития туристского потенциала Беларусь и стран СНГ» (Гродно, 2023).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: в разработке и преподавании курсов «Туристско-рекреационное проектирование», «Альтернативные виды туризма», «Музеи России и мира» студентам Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; в выступлениях в качестве эксперта на различных отраслевых мероприятиях, в частности, на VII Общероссийском форуме стратегического развития «Города России: новые рубежи» (дискуссия «Вне all inclusive: рекреационный и креативный потенциал российского города») (Екатеринбург, 2023), стратегической сессии «Промышленный туризм как эффективный инструмент развития и продвижения бренда территории: лучшие практики и перспективы развития направления» (в рамках Международной промышленной выставки «ИННОПРОМ»; Екатеринбург, 2024); в участии с материалами по теме «Мемориальные музеи как объект изучения культурно-исторического наследия в системе современного образования» во Всероссийском обучающем семинаре «Родная литература в школе: актуальные педагогические практики» (Центр изучения родных языков, Москва, 2024). За активное участие в развитии туризма на территории муниципального образования «город Екатеринбург» автор получила Благодарность Главы Екатеринбурга (2023).

Соответствие диссертации паспорту специальности

Диссертация соответствует специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства. Область исследования соответствует паспорту

специальности в следующих пунктах: 16. Роль культурного и природного наследия в жизнедеятельности общества; 17. Механизмы и практики культурного наследования. Их историческая обусловленность. Структура культурного наследия; 18. Культурно-историческая память и культурное наследие; 19. Охрана культурного и природного наследия. Формы и методы сохранения культурного и природного наследия; 41. Диалог культур и их взаимообогащение. Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира; 108. Подходы к изучению культурных форм и практик в *memory studies*.

Структура и объем диссертационного исследования

Работа состоит из введения, двух глав (по 3 параграфа каждая), заключения, списка источников и литературы, включающего 242 наименования, и приложения, содержащего иллюстративный материал. Общий объем работы составляет 168 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе диссертации **«Теоретико-методологические подходы к изучению культурной памяти»** осуществлена концептуализация феномена «трудное наследия», определена специфика культурологического ракурса изучения «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма.

Первый параграф первой главы **«Культурная память как предмет культурологического исследования»** посвящен исследованию культурной памяти в рамках культурологического анализа. Подчеркивается актуальность изучения проблем культурной памяти, обусловленная глобальным «бумом памяти» и феноменом мемориализации, которые наблюдаются в последние десятилетия. Эти процессы выражаются в усилении общественного интереса к прошлому и стремлению сохранить и осмыслить культурно-историческое наследие.

Культурная память рассматривается как универсальный механизм сохранения информации, имеющей ключевое значение для функционирования общества. Исследования в области *memory studies* направлены на изучение соотношения реального и воображаемого, времени и пространства, индивидуального и коллективного, субъективного и объективного, аутентичного и симулированного в контексте памяти. Значимой становится введенная в научный дискурс французским исследователем П. Нора концепция «мест памяти». «Места памяти», по мнению П. Нора, представляют собой «крайнюю форму, в которой

существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»¹. В качестве «мест памяти» могут выступать музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации и др.

Особенно важной становится проблема культурных травм и памяти о них. Феномены коллективной памяти и культурной травмы оказываются взаимосвязаны, поскольку культурная травма представляет собой коллективное явление – сохраняемую поколениями память о значимых событиях, связанных с нарушением нормальности жизнедеятельности и привычного мировосприятия, изменяющим систему базовых ценностей и смыслов. Культурная травма рассматривается как коллективное явление, которое так или иначе сохраняется поколениями и оказывается связано с нарушением привычного мировосприятия. В одних случаях нарративы о травмирующем прошлом становятся ключевыми для локальной идентичности и широко представлены разнообразными «местами памяти», в других – воспринимаются неоднозначно.

В таком ключе существенной оказывается проблема медиатизации трагических событий, сопряженная, с одной стороны, с возможным упрощением значимого нарратива, а с другой – с коммодификацией, то есть превращением трагического прошлого в коммерческий продукт. Таким образом, возникает повышенный интерес к реальным «местам памяти», которые обладают большей аутентичностью, чем медиаобразы, и, соответственно, в большей мере представляют собой материальное воплощение памяти, связанной в том числе и с травмирующим прошлым.

В современном понимании память включает в себя не только выстроенный официальный нарратив, но и аффективное и эмоциональное, сохраняющее не только позитивное, но и травматическое. Таким же образом наследие перестает ассоциироваться исключительно с возвышенным и высокой культурой, изменяется и становится материальным воплощением памяти, знаком, относящимся к прошлому, – и такая трансформация позволяет сегодня говорить о разных типах культурного наследия, в частности, о «трудном наследии».

Во втором параграфе первой главы **«Трудное наследие» в контексте анализа проблем сохранения культурно-исторического наследия»** рассматривается эволюция подходов ЮНЕСКО к определению культурного наследия. В частности, отмечается переход от преимущественно архитектурного взгляда к более антропологическому и

¹ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижеж, М. Винок. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 26.

многофункциональному восприятию наследия. Это включает отказ от жестких рамок в пользу более гибкой концепции, которая позволяет учитывать многообразие культурных проявлений и их универсальную ценность, а также включать в качестве значимого культурно-исторического наследия объекты, связанные с конфликтами, трагическими событиями и иными спорными историческими эпизодами. Исследуются подходы к определению этого вида культурно-исторического наследия, анализируется опыт ЮНЕСКО и других организаций в разработке рекомендаций по сохранению и представлению такого наследия для широкой аудитории – основной идеей в этих вопросах оказывается необходимость учета локального сообщества при выявлении такого наследия и его оценке; возможность выделения глобальных критериев затруднена. В частности, в Варшавских рекомендациях по восстановлению и реконструкции культурного наследия, разработанных экспертами ЮНЕСКО, особо подчеркивается тот факт, что увековечение памяти о травмирующих событиях может быть произведено посредством сохранения отдельных остатков разрушений, которые могут использоваться в образовательных или туристических целях. В контексте постконфликтного восстановления и реконструкции такие места должны быть интегрированы в максимально возможной степени общее повествование о травматических событиях, которые привели к разрушению, отражая взгляды всех слоев общества, чтобы способствовать взаимному признанию и социальной сплоченности, а также создавать условия для примирения².

Сложность работы с культурно-историческим наследием, вызывающим определенные споры, позволяет говорить об особой категории – «трудном наследии». В фокусе научных исследований эта категория оказывается относительно недавно – в конце XX века, в связи с чем отсутствует устоявшийся понятийный аппарат – об этом свидетельствует ряд схожих понятий (например, диссонантное оспариваемое, мрачное наследие и др.). Выбор термина «трудное наследие» обусловлен его относительной нейтральностью, которая, вместе с тем, отражает сложность этого феномена.

В первую очередь такая категория культурно-исторического наследия ассоциируется с понятием «наследие злодеяний» в терминологии Дж. Э. Танбриджа и Г. Дж. Эшворта. Однако «наследие злодеяний» включает в себя лишь непосредственно связанные с конкретными злодеяниями локации, например, места, где происходили массовые

² Warsaw recommendation on recovery and reconstruction of cultural heritage // UNESCO [site]. URL: <https://whc.unesco.org/en/news/1826> (accessed: 13.06.2024).

убийства, случались катастрофы и т. д. Однако последующие исследования (Ш. Макдональд, А. Ю. Серикова и др.) показывают, что фактически «трудное наследие» не ограничивается исключительно такими «местами памяти»: оно также охватывает и другие объекты, которые неоднозначно воспринимаются в обществе. В частности, примером такого наследия может служить индустриальное наследие (Д. Союз) или различные заброшенные и разрушенные объекты, которые трудно интегрировать в современное социокультурное пространство, несмотря на их потенциальную культурную значимость (А. Василева, О. Ле Галлю), а также объекты, которые ассоциируются с травмирующими событиями (Ш. Макдональд).

На основании рассмотренных подходов предлагается авторское определение «трудного наследия» как наследия, вызывающего определенные противоречия в локальном сообществе относительно необходимости его репрезентации и коммодификации, а также смешанные эмоции, но при этом располагающего к рефлексии относительно прошлого, настоящего и будущего. Данный подход позволяет обратить внимание на объекты и темы, которые ранее практически не рассматривались с научной точки зрения как «трудное наследие», однако при этом обладают свойствами такого типа наследия и вызывают интерес у аудитории. Такое определение позволяет исследовать «трудное наследие» как значимый туристский ресурс, способствующий сохранению и трансляции культурной памяти, связанной в том числе и с трагическими страницами истории. Также это толкование дает возможность рассматривать подобные «места памяти» с точки зрения как местного населения, так и туристов, учитывая мнения и потребности обеих категорий.

В третьем параграфе первой главы **«Концепты “трудное наследие” и “места памяти” в структуре изучения культурно-познавательного туризма»** освещается роль объектов «трудного наследия» в контексте культурно-познавательного туризма. Специалисты ЮНЕСКО называют туризм одним из наиболее эффективных инструментов для продвижения культурного наследия и привлечения к нему самой широкой аудитории, поскольку туризм в первую очередь ассоциируется с поездками для посещения мест, связанных с культурным наследием и аутентичностью. Взаимодействие культур, происходящее во время таких поездок, чрезвычайно важно, поскольку для большинства людей опыт, полученный во время поездки, влияет на разные сферы жизни, впечатления о путешествиях в значимые локации могут выступать не только как исключительно индивидуальные воспоминания, но, в контексте глобальной цифровизации, и как часть коллективной памяти – к примеру, путем

трансляции в виде отзывов и публикаций в различных социальных медиа. Популяризация культурно-исторического наследия с помощью туризма в целом способствует развитию регионов и укреплению национальной идентичности.

Особого внимания заслуживают те направления культурно-познавательного туризма, якорными объектами для которых оказываются объекты «трудного наследия». Среди таких направлений можно назвать:

- *dark-туризм*, в рамках которого туристы посещают места и достопримечательности, исторически связанные со смертью и/или трагедией, в том числе воплощающие буквальные «места памяти» по П. Нора (кладбища, мемориалы и мемориальные музеи). Фактически это направление культурно-познавательного туризма практически полностью выстраивается вокруг различных объектов «трудного наследия»;

- *патриотический туризм*, направленный на укрепление патриотических чувств у туристов через посещение мест, связанных с историей и культурой их родины. «Трудное наследие» в рамках этого направления в первую очередь представлено военными мемориалами и местами значимых сражений, играющими важную роль в сохранении памяти поколений и формировании общей национальной идентичности;

- *ностальгический туризм*, для которого основной мотивацией для совершения путешествия становятся личные воспоминания и переживания и др. Популярными точками притяжения туристов оказываются объекты, представляющие недавнее прошлое, восприятие которого может значительно различаться у аудитории, порождая дискуссии о репрезентации соответствующей эпохи и превращая подобные объекты в «трудное наследие»;

- *руинный туризм*, к которому относится легальное посещение туристами различных заброшенных и руинированных объектов, символически воплощающих собой прошлое, а также способных служить пространствами формирования новых структур, порядка и эстетики, которые приобретают либо дистопический, либо утопический характер в зависимости от современного контекста;

- *индустриальный туризм*, в широком понимании подразумевающий посещение действующих, музеефицированных или законсервированных промышленных пространств, которые в ряде случаев также могут рассматриваться как объекты «трудного наследия», учитывая возможные негативные факты, связанные с историей развития промышленности в том или ином регионе, техногенные катастрофы и т. д.

Разнообразие направлений культурно-познавательного туризма, включающего или способного включить объекты «трудного наследия» демонстрирует, что в эту категорию входят объекты, представляющие собой туристические объекты или обладающие туристическим потенциалом. Особенно важной в таком контексте становится репрезентация объектов «трудного наследия» как «мест памяти», играющих существенную роль в формировании и укреплении коллективной памяти о травмирующих событиях, нередко приобретающих символическое значение. Однако при этом существует угроза тривиализации и даже легитимизации преступлений из прошлого.

Таким образом, «трудное наследие» требует внимательного и ответственного подхода, в особенности со стороны туристской индустрии. Важно находить баланс между сохранением памяти о трагических событиях и предотвращением их романтизации и чрезмерной коммодификации.

Во второй главе диссертации **«Стратегии репрезентации объектов “трудного наследия” в туризме»** представлены ведущие способы репрезентации «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме и определена их специфика на основании практических примеров работы с «трудным наследием» как туристским ресурсом.

В первом параграфе второй главы **«Коммеморация как ведущая стратегия репрезентации “трудного наследия”»** рассматривается стратегия *коммеморации* как ведущий метод репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме. Значимость коммеморативных практик в формировании коллективной памяти и идентичности, а также их роль в сохранении памяти о трагических событиях прошлого трудно переоценить – именно коммеморация является основным способом формирования различных «мест памяти».

Примеры успешной коммеморации событий Второй мировой войны, таких как Холокост, блокада Ленинграда и Сталинградская битва, а также репрезентация памяти о политических репрессиях советского периода демонстрируют, что даже чрезвычайно сложные и тяжелые нарративы интегрируются в туристический контекст – объекты, подобные Государственному музею Аушвиц-Биркенау (Освенцим) и музею-заповеднику «Сталинградская битва», представляют собой популярные туристические аттракции. Однако расширение туристической инфраструктуры в случае «трудного наследия» поднимает вопросы, касающиеся сохранения аутентичности пространства и возникновения риска чрезмерной коммодификации, что может спровоцировать негативное отношение к развитию туризма на подобных объектах.

Также следует отметить феномен виртуализации мемориалов. Веб-мемориалы активно появляются в последние годы. Подобный процесс позволяет не только сохранять память о большом количестве разных событий, но сделать ее доступной для большого количества людей. При этом «цифровые» мемориалы не создают в полной мере ощущения сопереживания, таким образом, данный формат вряд ли сможет полностью заместить материально воплощенные мемориалы и интерес к ним в том числе и туристов, поэтому можно предположить, что реальное и виртуальное пространство памяти должно дополнять друг друга.

Мемориальные музеи и мемориальные комплексы представляют собой основной туристский ресурс, используемый при репрезентации «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме. Объекты, непосредственно располагающиеся в непосредственных «местах памяти» воспринимаются как аутентичные и историкоцентричные объекты, следовательно, наиболее отвечающие познавательной функции. Для таких объектов характерно ощущение эмпатии, возможность разделить не только память, но получить свои личные переживания, усиливающие связь с прошлым.

Отдельно следует выделить среди них объекты, получившие особую символическую значимость. Такие объекты-символы обладают сверхвысокой узнаваемостью и медийностью, создают чувство общности и принадлежности к определенной культуре и привлекают к себе основные туристские потоки. Эта группа объектов включает уже упомянутые музей-заповедник «Сталинградская битва», Государственный музей Аушвиц-Биркенау и др.

Мемориальные музеи, посвященные «трудному наследию», также рассматриваются как важный туристский ресурс – здесь снижен эмоциональный отклик, однако за счет более развитой инфраструктуры и транспортной доступности такие музеи могут использовать современные практики взаимодействия с посетителями, что позволяет эффективно реализовать познавательную функцию.

Сложнее всего интегрируются в туристский продукт небольшие мемориалы и мемориальные доски, посвященные локальным трагедиям и происшествиям, способные заинтересовать широкую аудиторию лишь в составе комплексного продукта (например, тематической экскурсии), по отдельности такие объекты «трудного наследия» обычно находятся в тени более известных событий схожего характера и известны только местному населению или тем, кого с произошедшим связывают причины личного характера.

Во втором параграфе второй главы «Музеефикация “мест памяти”» исследуются такие стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме, как *экспонирование, консервация и перемещение*.

Адаптация аутентичных объектов «трудного наследия» для показа туристам – непростой процесс, поскольку, с одной стороны, необходимо оберегать сохранившееся оригинальное пространство, с другой – нужно соответствовать требованиям, предъявляемым сегодня к туристическим объектам, которые не всегда оказываются воплощаемыми в реальность без ущерба для подлинности объекта. К примеру, обеспечение доступной среды может оказаться весьма сложной задачей в случае руинированных объектов, аутентичных объектов на месте бывших тюрем, концлагерей и т. д.

Экспонирование, в большинстве случаев связанное с музеефикацией объектов, может привести к значительным изменениям аутентичного пространства, а также дает возможность охватывать большее количество нарративов, тем самым в некоторой степени меняя представление и о «месте памяти», и включать, помимо познавательного, и развлекательный элемент.

Консервация, напротив, ориентирована на сохранение объекта в его исходном виде, с минимальным вмешательством. Желанием сохранить объект «как есть» приводит к тому, что объект туристы в основном не посещают, а *наблюдают*; соответственно, степень антропогенного вмешательства в пространство здесь несколько меньше, чем в иных случаях, однако значительно усиливается влияние природных факторов. Также консервация чаще всего служит переходным этапом перед трансформацией пространства – его музеефикацией, реадаптацией или сносом/разрушением.

Перемещение объектов применяется либо в случаях, когда невозможно сохранить их на первоначальном месте ввиду риска утраты, либо когда это способствует повышению доступности этих объектов для широкой аудитории. Перемещение способно превратить те или иные экспонаты в «трудное наследие» и актуализирует дискуссии о возвращении таких ценностей туда, откуда они были вывезены. Проблемы деколонизации музеев и репатриации культурных ценностей широко обсуждаются в научном сообществе, освещаются как в зарубежных (Т. Дженкинс, М. Филан и др.), так и в отечественных исследованиях (О. А. Короткова, С. Б. Чебаненко и др.). Тем не менее музеи, обладающие большим количеством перемещенных объектов, остаются значимыми туристскими локациями, привлекающими значительный турпоток, как, например, Британский музей в Лондоне.

«Туристификация» объектов, использующих представленные стратегии репрезентации объектов «трудного наследия», демонстрирует, что, в зависимости от управленческих решений, в контексте культурно-познавательного туризма «места памяти» могут сочетать в себе и познавательную, и развлекательную функцию (таков пример музеефицированного «Бункера-42» в Москве), а в ряде случаев «трудным» представленное наследие оказывается для определенных групп и не воспринимается таковым для основной массы туристов (как в случае стратегии перемещения). Стратегия консервации представляется своего рода переходной стадией для сохранения объектов «трудного наследия» для последующей музеефикации или реадаптации (а в отдельных случаях и уничтожения), а включение в туристические маршруты законсервированных объектов позволяет получить экономическую выгоду для локального сообщества и способствует развитию руинного туризма.

В третьем параграфе второй главы **«Проблемы аутентичности в репрезентации “трудного наследия”»** рассматриваются следующие стратегии репрезентации объектов «трудного наследия» в культурно-познавательном туризме – *реадаптация, инсценировка, копирование и эмуляция*. Эти стратегии пользуются популярностью и привлекают внимание широкой аудитории к конкретным темам и ставшим символами явлениям и артефактам, однако их использование связано с рядом проблем и вызовов, касающихся вопросов аутентичности, этических аспектов, поскольку зачастую при развитии туризма на объектах, применяющих такие стратегии, на первый план выходит развлекательная функция, нередко приводящая к возможным искажениям исторической реальности. Появляющаяся в результате влияния туризма на локальное сообщество «искусственность» способна привести к тому, что местная культура подвергается коммодификации, то есть превращается в ходовой товар или услугу, воспринимается как развлекательная услуга.

Так, эмуляция и инсценировка часто приносят элемент игры при репрезентации прошлого, что может привести к некорректному восприятию транслируемых нарративов (например, у зрителей, наблюдающих за реконструкцией сражения), реадаптация способна исказить представления о масштабах тех или иных событий, а копирование – в некоторой степени обесценить аутентичные объекты.

Тем не менее все перечисленные стратегии играют значительную роль в сохранении «мест памяти». Реадаптация позволяет привести в соответствие с современными потребностями объекты, которые без адаптации к новым условиям с высокой долей вероятности исчезли бы.

Эта стратегия может быть применена как к одной из составляющих объекта «трудного наследия», так и всему пространству объекта, что делает ее достаточно гибкой и широко применяемой. В качестве примера частичной реадаптации можно назвать Тобольский тюремный замок, входящий в состав Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и в настоящее время представляющий собой Музей Сибирской каторги и ссылки. Для большего погружения посетителей в атмосферу этого «места памяти» в Тюремном замке открыт хостел «Узник», номера которого расположены непосредственно в бывших камерах. Рееадаптации всего пространства объекта «трудного наследия» часто наблюдаются в случаях переосмысления в европейских городах старых еврейских кварталов, опустевших в период Второй мировой войны. В частности, через такую реадаптацию, вернувшую в кварталы жизнь и позволившую развиваться, оставив сложное прошлое позади, прошли Йозефов в Праге, Леопольдштадт в Вене и Казимеж в Кракове. Однако при этом в кварталах сохраняется ряд примет, служащих напоминанием о мрачных страницах истории, и позволяющих посещать их как фактические «места памяти».

Инсценировки нередко представлены в формате так называемой «живой истории», активно применяющиеся в деятельности различных музеев и движений исторических реконструкторов.

Формат «живой истории» на музеефицированной территории может включать как классические экскурсии с гидом, рассказывающим о прошлом и демонстрирующим работу тех или иных артефактов, так и наблюдение и взаимодействие с людьми, носящими тщательно воспроизведенные копии одежды определенного времени, говорящими как конкретный или абстрактный персонаж из прошлого с соответствующим акцентом, а также занимающимися традиционными занятиями и ремеслами. Таким образом, «живая история» представляет собой воссоздание быта конкретной эпохи и является воплощением подхода «эдьютейнмент», подразумевающего сочетание образовательной и развлекательной функций.

Стратегия копирования широко используется для привлечения дополнительного внимания к конкретным темам и применяется в отношении ставших символами явлений и артефактов, а стратегия, связанная с эмуляцией, распространена в репрезентации прошлого в контексте ностальгического туризма. «Ностальгирующие» туристы – равно как и предлагаемый в рамках имитирующих прошлое объектов туристический продукт – обращаются к сглаженному, возможно, даже романтизированному образу прошлого, включая те случаи, когда такой объект связан с «трудным наследием». Это тяготение к смягченному

представлению и восприятию в том числе и спорных страниц истории позволяет говорить именно о представлении аудитории «улучшенной» копии прошлого, не стремящейся при этом его подменить.

Тем не менее указанные стратегии репрезентации актуализируют проблемы коммодификации и «диснейфикации» (то есть подмены локальной культуры универсальной корпоративной культурой, для которой важны легкая визуальная узнаваемость, высокие продажи услуг и сувениров и удовлетворение запросов потребителей) в контексте объектов «трудного наследия». Случаи попыток чрезмерной коммерциализации таких объектов вызывают резонанс и негативную реакцию со стороны не только локального, но и глобального сообщества – что в очередной раз подчеркивает сложность работы с подобным наследием.

Сложными остаются и вопросы изготовления сувениров, связанных с объектами «трудного наследия» – именно на этом уровне сталкиваются политика памяти и туризм, а мемориализация и коммодификация сливаются. В результате массового производства и потребления брендированных продуктов, созданных на основе трагической истории, возникает своеобразная иконография трагических мест, приводящая к примитивному восприятию таких пространств, нарративы упрощаются до типичных сюжетов, которые и тиражируются в сувенирах и – постепенно – могут утрачивать смысловую связь с местом и событием, а также банализировать саму трагедию.

В настоящее время многие «места памяти» стремятся защитить символы и образы, с которыми они связаны, от чрезмерной эксплуатации и коммодификации.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы, обозначаются нерешенные проблемы, определяются возможные направления дальнейшего исследования заявленной темы. **Перспективным** видится более детальное изучение рассмотренных в диссертационном исследовании стратегий репрезентации «трудного наследия», в частности, коммеморации, эмуляции и инсценировки, в контексте отдельных направлений в рамках культурно-познавательного туризма, таких как патриотический туризм, dark-туризм, индустриальный и ностальгический виды туризма, а также исследование конкретных категорий объектов «трудного наследия» и особенностей их функционирования как объектов туристского интереса.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

**Статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК
РФ и Аттестационным советом УрФУ:**

1. Бугрова Е. Д., Бугров Д. В. На грани Жизни и Смерти: пограничный Урал в танатологической культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1199–1213. – 1 п. л./0,6 п. л. (Scopus, WoS).

2. Бугрова Е. Как не застрять в «Арт-Овраге»: туризмофобия и современные стратегии преодоления // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 188–202. – 1 п. л. (Scopus, WoS).

3. Бугрова Е. Д. Dark-туризм как фактор сохранения культурно-исторической памяти // *Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2024. Т. 30. № 2. С. 133–141. – 0,65 п. л. K2.

4. Bugrova E. D., Kirillova N. B. Memorial museums as an object for studying cultural and historical heritage in the system of modern education // *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 2024. Vol. 70. № 4. P. 40–53. – 1,25 п. л./0,9 п. л. (Scopus). Q2.

5. Бугрова Е. Д. Пространства памяти: исторические кладбища городов Урала в контексте культурной политики // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2024. Т. 26. № 2. С. 277–291. – 1 п. л. (WoS). K1.

6. Бугрова Е. Д., Кириллова Н. Б. Культурно-познавательный туризм как ресурс memory studies // *Обсерватория культуры*. 2024. Т. 21. № 4. С. 348–357. – 1 п. л./0,75 п. л. K1.

7. Бугрова Е. Д. Концепт ностальгии как тренд культурно-познавательного туризма // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2024. № 11. С. 5–7. – 0,3 п. л. K3.

Другие публикации:

8. Бугрова Е. Д. Языковая концептуализация впечатлений в туристическом дискурсе // *Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании : 3-й молодежный конвент : материалы междунаро-д. студ. конф. 14–16 марта 2019 года. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 774–776. – 0,2 п. л.*

9. Бугрова Е. Д. Речевой портрет танатотуриста // *Речевая коммуникация в современной России : тезисы докладов VI Международной*

научной конференции (Омск, 27–30 сентября 2021 г.) / отв. ред.: О. С. Иссерс. – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2021. С. 7–13. – 0,2 п. л.

10. Бугрова Е. Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2022. № 3. С. 16–23. – 0,7 п. л.

11. Бугрова Е. Д. Сысерть: город-сателлит – рекреация-сателлит // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 527–532. – 0,3 п. л.

12. Бугрова Е. Д. Сатка: моногород мультитуризма // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2023. № 3. С. 53–60. – 0,7 п. л.

13. Bugrova E. Local and Glocal: The specifics of the formation and development of tourism brands of industrial locations // *E3S Web of Conferences*. 2023. № 435. 03002. – 0,5 п. л. (Scopus).

14. Bugrova E. D., Petrović M. D., Gajić T., Turgel I. D. Fostering Sustainable Urban Tourism in Predominantly Industrial Small-Sized Cities (SSCs) – Focusing on Two Selected Locations // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, No. 14. 6086. – 1,5 п. л./0,2 п. л. (Scopus). Q1.

15. Бугрова Е. Д. Индустриальное наследие Урала в цифровом туристическом пространстве // *Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия* : материалы III Уральского историко-архивного форума / отв. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 590–595. – 0,35 п. л.